

Метелёва Т.А.
кандидат философских наук, доцент
ведущий научный сотрудник,
заместитель директора по научной работе
ГУ «Институт всемирной истории НАН Украины»

**ЧЕРНОБЫЛЬ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАВМА
И ИРРАЦИОНАЛЬНЫЙ СТРАХ
(УКРАИНСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ)**

У статті проблематизується поширене уявлення про аварію на Чорнобильській АЕС як історичну та культурну травму через постановку питання про її об'єкт та націегенерувальні наслідки. У контексті пошуку відповіді на нього з позицій меморіальних досліджень описано й проаналізовано соціальні, політичні й культурно-ментальні наслідки Чорнобильської трагедії та особливості її подолання в Україні у порівнянні з досвідом такого подолання в Білорусі та Росії. Зроблено висновок, що Чорнобиль сьогодні в Україні є фактом історичної пам'яті, широко комеморований, однак не має ознак національної культурно-історичної травми і не зіграв відчутною ролі в становленні національної ідентифікації.

Ключові слова: Чорнобильська аварія, культурна травма, ірраціональний страх, історична пам'ять.

В статье проблематизируется распространенное представление об аварии на Чернобыльской АЭС как исторической и культурной травме путем постановки вопроса о ее объекте и нациогенерирующих последствиях. В контексте поиска ответа на него с позиций мемориальных исследований описаны и проанализированы социальные, политические и культурно-ментальные последствия Чернобыльской трагедии и особенности ее преодоления в Украине по сравнению с опытом такого преодоления в Беларуси и России. Сделан вывод, что Чернобыль сегодня в Украине является фактом исторической памяти, широко коммеморирован, однако не имеет признаков национальной культурно-исторической травмы и не сыграл ощутимой роли в становлении национальной идентификации.

Ключевые слова: Чернобыльская авария, культурная травма, иррациональный страх, историческая память.

In the article the widespread view of the Chernobyl nuclear power plant accident as a historical and cultural trauma is posed by posing a question of its object and nationalizing consequences. In the context of the search for a response to it, the social, political and cultural-mental consequences of the Chernobyl tragedy and the peculiarities of its overcoming in Ukraine in comparison with the experience of such overcoming in Belarus and Russia are described and analyzed from the standpoint of memorial researches. It is concluded that Chernobyl today in Ukraine is a fact of

historical memory, widely commemorated, but has no signs of a national, cultural and historical trauma and has not played a tangible role in the formation of national identity.

Keywords: *Chernobyl accident, cultural trauma, irrational fear, historical memory.*

В каждой из трех постсоветских стран, наиболее пострадавших от Чернобыльской аварии, – Украине, Беларуси и России общественная, политическая и культурная реакция на ее последствия, способы преодоления этих последствий и вписывание самого травматического события в исторический контекст имеют существенные отличия. Соответственно различна и историко-культурная нагрузка на факт техногенной катастрофы и ее экзистенциальное значение. Различие определяется уже тем фактом, что Чернобыльская авария, с течением времени все более мемориализируемая и осуществляющая транзит из коллективной памяти в историческую во всех трех странах, в Украине имеет собственный «источник подпитки» – ЧАЭС как сердце зоны отчуждения.

Кроме того, только Украина в первые же дни аварии понесла прямые человеческие потери: до конца 1986 г. тут было зафиксировано 134 случая острой лучевой болезни, из которых в течение трех месяцев скончалось 28 человек, еще 19 человек умерли в 1987-2004 годах [32]. Наличие очевидно фиксируемых, в том числе специализированными международными организациями, жертв трагедии является вторым весомым источником подпитки национальной травматической памяти о ней.

За три десятка лет, прошедших с момента катастрофы, каждая из трех стран накопила свой особенный позитивный опыт преодоления последствий Чернобыля – экологический, социальный, культурный и т.д. С учетом этого наиболее продуктивным в практическом отношении и эвристически плодотворным представляется сравнительное исследование украинского, белорусского и российского опыта преодоления чернобыльской трагедии. Однако до сих пор подобные исследования не проводились, и данное издание призвано внести свою лепту в разрешение этой важной задачи. В таком

контексте задачи автора носят более узкий характер и ограничиваются рассмотрением украинского опыта. К компаративистике же мы будем прибегать лишь в некоторых общих случаях, где уже имеющиеся данные позволяют это сделать.

Районы, из которых в 1986 и 1987 годах проводилась обязательная эвакуация населения, во всех трех странах отнесены к так называемой зоне обязательного отселения или зоне отчуждения (ЧЗО – Чернобыльская зона отчуждения). Общая площадь российской зоны – 310 кв. км. (часть Брянской области с уровнем загрязнения более 40 Ки/кв.км.), где располагались четыре деревни с суммарным количеством населения в 186 человек. Площадь с низким уровнем загрязнения цезием – 137 (от 5 до 15 Ки/ кв.км.) составляет около 7,9 тыс. кв. км. и охватывает части Брянской, Тульской, Калужской и Орловской областей [17].

В Беларуси зона отчуждения площадью 2,154 тыс. км. включает территории, где в 92 населенных пунктах проживало 22 тыс. человек. С 1988 года загрязненные радиацией земли Беларуси размером в 216 га получили статус Полесского государственного радиационно-экологического заповедника.

Площадь украинской 30-ти километровой части ЧЗО, на которых прежде находились 94 населенных пункта со 116 тыс. жителей, – 2,6 тыс. км. Общий размер площади с юридическим статусом пострадавшей и загрязненной – около 50 тыс. кв. км, что сопоставимо с суммарной территорией Боснии и Герцеговины [12]. По приводимым ученым-биологом Института проблем безопасности АЭС НАН Украины С. Паскевичем, «до аварии 30% территории, входящей ныне в состав зоны, составляли сельскохозяйственные угодья, около 10% – населенные пункты, промышленные зоны, дороги и коммуникации» [9].

Длина внешнего периметра ЧЗО с проволочными ограждениями, контрольно-пропускными и контрольно-дозиметрическими пунктами – около 440 км (что равно расстоянию между Минском и Чернобылем или Москвой и Нижним Новгородом). Внутри зоны выделены районы с особыми режимами доступа – десятикилометровая зона и непосредственно площадка ЧАЭС.

В августе 2007 г. 30-километровая зона получила статус специального общезоологического заказника государственного значения. Более 10 лет существует и идея создания заповедника площадью 227 тыс. га. Указом Президента Украины от 14 декабря 2015 г. «О мероприятиях в связи с 30-й годовщиной Чернобыльской катастрофы», правительству поручено в шестимесячный срок внести предложения по созданию Чернобыльского биосферного заповедника, а также обеспечить до 1 июля 2016 г. пересмотр и уточнение границ территорий зон отчуждения и безусловного (обязательного) отселения, проведения инвентаризации земель, их оформления и регистрации прав на землю.

Хотя масштабы украинской и белорусской зон отчуждения и их правовой режим сопоставимы, отношение к ним населения и их общественное восприятие имеют существенные различия. Показателем таковых является наличие в Украине не только самосёлов: по данным общественных чернобыльских организаций за 2014 г. (более свежие данные отсутствуют) в 11 населенных пунктах зоны проживало, по меньшей мере, около 300 человек [13]. По другим данным, озвученным в разное время высшими государственными должностными лицами, таковых может насчитываться до 2 тыс. [6]). Заметим, что в Беларуси самосёлы как явление отсутствуют.

В самом городе Чернобыле сегодня проживают около 4 тыс. человек – и не только вахтовиков-специалистов и обслуживающего персонала (уже не работающую АЭС обслуживают около 3 тысяч), но и обычных жителей. Центральная часть города заселена работниками зоны. Там же находятся основные предприятия: администрация, предприятия по обслуживанию инфраструктуры города – пожарная охрана, райотдел полиции, СБУ, прокуратура, метеостанция, санстанция, а также магазины, спортзалы, гостиницы, библиотека, кафе-бар и даже дом культуры, где на праздники устраивают концерты. Работает обычная телефонная связь и Интернет. Есть даже кружок художников и зоозащитная общественная организация. По словам местного гида, «Чернобыль сегодня отличается от аналогичного украинского

городка тем, что здесь нет детсада, школы, больницы-стационара, кинотеатра, загса, роддома и суда. А все остальное есть» [24]. За последние 5 лет в Чернобыле наново заасфальтированы дороги, построен православный храм – Свято-Ильинская церковь и мемориальный музей. Всего же в ЧЗО по состоянию на 2015-й год проживали или работали на легальных основаниях около 13 тыс. человек.

Другое примечательное отличие-показатель украинской ситуации – существование так называемого чернобыльского туризма, официально легализованного в 2011 г., что повлекло за собой и возникновение соответствующей инфраструктуры по всей зоне (своеобразных импровизированных «гостиниц для сталкеров»). Кстати, экскурсия в Чернобыль – дело не из дешевых, с одного экскурсанта – от 400 долларов, с двоих – 450. За последние десять лет в ЧЗО побывали около 40 тыс. туристов [12]. В стоимость всех экскурсий входит осмотр ЧАЭС, безлюдного города Припяти и нескольких сел, а в случае многодневных экскурсий — и других «достопримечательностей» (лагеря 25-й бригады радиационно-химической защиты, вертолетодрома и пр.). Организаторы сообщают экскурсантам, что за день пребывания в зоне «посетители получают такую же дозу радиации, как при часовом полете на самолете, что в 160 раз меньше, чем при прохождении флюорографии» [10].

Словом, украинская зона отчуждения, вне зависимости от государственной политики и государственного контроля в этой сфере, чем далее, тем более обживается, социокультурно абсорбируется и становится экзотическим фактом обыденности. Именно поэтому при всей несомненной серьезности научно-технических, социально-политических и прочая последствий, при всей мифопоетизации и демонизации Чернобыля политическими и художественными средствами, обрастании его эмоциональными и научно-лингвистическими клише вроде коллективной/культурной/исторической травмы правомерен вопрос: действительно ли Чернобыльская трагедия является исторической (или коллективной) травмой? И, если да, то чьей? Кто, какая общность является субъектом или, точнее, объектом этой травмы? Человечество в целом?

Население стран, ощутивших на себе ее последствия? Население трех наиболее пострадавших государств? Украинская нация?

То, что Чернобыльская атомная катастрофа стала крупнейшей за всю историю ядерной энергетики – и по количеству погибших и пострадавших от последствий «мирного атома» людей, и по интенсивности и масштабности ядерного загрязнения, и по экономическому ущербу и является исторической драмой всемирного значения – несомненно и общепризнанно в силу ее количественных характеристик. Приведем еще некоторые из них.

Максимальное излучение в Чернобыле составило 380 млн. кюри (в Фукусиме в 2011 г. – 18 млн. кюри), а суммарный выброс радиации сопоставим с 400 бомбами, сброшенных на Хиросиму [26]. По словам И. Хеля, такого рода и масштаба катастрофы «приносят изменение картины мира для человека, страх, который продолжает с ним жить уже после того, как самое страшное закончилось...» [22].

Однако драматический и травматический характер Чернобыльской катастрофы обусловлен не только и не столько ее количественными параметрами, сколько, прежде всего, факторами культурного (рационального) и экзистенциального (иррационального) страхов и мифологизацией события и его последствий. Культурный страх возникает в случае техногенных катастроф как реакция на опасность, связанную именно с конкретной культурно-исторически обусловленной формой технологии. В данном случае это страх перед атомной энергетикой как таковой. Объективные эмпирические свойства события, замечает в этой связи А. Нил, «направляют внимание всех основных подгрупп населения» и провоцируют эмоциональную реакцию и внимание со стороны общественности, потому что рациональные люди просто не могут реагировать иначе» [25, р. 9–10]. Именно в силу того, «что акторы разумны, сам факт того, что разрушительное событие произошло», означает, что «появляются новые возможности для нововведений и перемен» [25, р. 18].

Возникший после Чернобыля (и обновленный Фукусимой 2011 г.) культурный страх нашел выражение в колоссальной волне антиядерных

демонстраций и протестов, включая появление целого движения под названием NIMBY (not in my back yard — «не в моем дворе») [15]. Постчернобыльские катастрофы также сопровождались подъемом аналогичных движений и выступлений. Однако культурный страх, рациональный по своей природе, не вызывает мифологизации события. Последняя порождается страхом иррациональным, экзистенциальным, обусловленным тремя «не» с временной шкалой: необратимостью происшедшего, непреодолимостью настоящего и непредсказуемостью будущего.

Иррациональный страх – живительная среда для мифологизации, закрытой для рациональных аргументов и фактов, особенно отчетливо проявился в ситуации с аварией на Фукусиме. Землетрясение 11 марта 2011 г. силой в 9 баллов и последующее цунами, унесли жизни 20 тыс. человек, больше 500 кв. км. земли было затоплено водой. Однако ни одна из десятков тысяч смертей не была следствием радиации. Но когда появилась информация, что от удара цунами пострадала АЭС Фукусима, катастрофа мгновенно перестала восприниматься как природное явление и превратилась в техногенное – ядерную катастрофу.

В докладе Научного комитета по эффектам атомной радиации ООН за 2012 г. в разделе о последствиях для здоровья трагедии на Фукусиме отмечается, что «по состоянию на 10 марта 2012 года ни один из шести случаев смерти людей, имевших место с 11 марта 2011 года, не был отнесен на счет воздействия ионизирующего излучения» [16]. Документ констатировал: «дополнительные дозы облучения, полученные большинством жителей Японии в первый год и последующие годы из-за радиоактивных выбросов с места аварии, меньше доз, получаемых от естественного фонового излучения, величина которого в Японии составляет ежегодно около 2,1 мЗв.»

В Приложении X Технического Тома 4 Итогового доклада МАГАТЭ по аварии на Фукусиме за 2015 г. содержится подкрепленный солидными научными выкладками и расчетами вывод о том, что «среди работников и населения вредных для здоровья эффектов, которые могут быть диагностированы врачом,

подтверждаются патологиями и связаны с воздействием излучения вследствие аварии на Фукусиме, не выявлено. ... (и) не ожидается сколько-нибудь заметного роста числа осложнений со здоровьем, вызванных воздействием радиации» [33]. Однако в то время как жуткое природное явление убило тысячи людей, внимание всего мира сосредоточилось на одном из компонентов трагедии, который никого не убил, и в общественном представлении авария на АЭС доминирует над истинными причинами и последствиями трагедии.

В ситуации с Чернобылем все было, безусловно, масштабнее и трагичнее. В задачи данной публикации не входит анализ экологического и экономического урона, понесенного Украиной и другими странами вследствие Чернобыльской аварии. Что касается антропологического, то, прежде всего, следует заметить, что количество косвенных жертв Чернобыльской аварии до сих пор неопределенно и по различным экспертным оценкам чрезвычайно варьируется. Так, по данным ВОЗ и МАГАТЭ оно оценивается в пределах от 50 (прямых жертв) до 4000 человек (причем последняя цифра – прогнозная). По оценкам же украинских ученых по состоянию на 2006 г. эта цифра уже составляла «более 50 тыс. человек из 100 тыс., принимавших участие в ликвидации последствий аварии в первый год» [6, с. 126]. Однако альтернативные исследования британских ученых The Other Report on Chernobyl (TORCH) в том же 2006 г., международной организации «Врачи мира против опасности ядерной войны» (IPPNW) критически оценивают даже официальные данные МАГАТЭ и ВОЗ. Ученые пришли к выводу, что оценки рисков радиоактивного облучения имеют много неопределенностей, из которых главнейшая заключается в том, что последствия воздействия малых доз на организм биологического существа не определены. Кроме того, зависимость между дозой и ее вредным влиянием – линейная, беспороговая, откуда следует, что безопасного уровня радиационного облучения не существует, источником же неопределенности является оценка доз внутреннего радиации – действия на организм радионуклидов, попадающих в организм с пищей и воздухом [11]. И потому последствия Чернобыльской аварии, как и других аварий, связанных с «мирным атомом», в принципе на

сегодня не поддаются количественной оценке. Вместе с тем, по выводу руководителя радиологической программы ВОЗ Майкла Репачоли, представленному в историческом обзорном докладе «Наследие Чернобыля: медицинские, экологические и социально-экономические последствия» Чернобыльским форумом в 2005 г., «последствия аварии для здоровья представлялись ужасающими по своим масштабам, но если проанализировать их, используя обоснованные выводы добросовестной научной практики, то эти последствия для здоровья людей оказались не столь значительными, как сначала считали» [27].

Резюмируем. Сухой количественный итог чернобыльской катастрофы – менее 50 подтвержденных погибших, другие же показатели носят гипотетический и вероятностный характер. Может ли на таких основаниях чернобыльская катастрофа считаться и являться культурно-исторической травмой? Для сравнения приведем другие цифры. Во время Голодомора в Украине умерло по разным оценкам от 3,5 до 5 миллионов человек – около 15 % населения Украины. Последствия исторической коллективной травмы Голодомора будут живы еще не в одном поколении. В 1988 г. землетрясение в Армении унесло 25 тысяч человек, свыше 31 тыс. получили ранения и 514 тысяч остались без крова. Более 3 тысяч погибло 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. В декабре 2004 г. 300 тысяч (!) человек в Азии погибли вследствие землетрясения и цунами в Индийском океане. Около 150 тысяч погибших в Чечне. На сегодня более 10 тыс. погибших во время идущей сегодня войны на востоке Украины. Вопрос о том, как выглядит на фоне этих цифр Чернобыльская трагедия, является, полагаем, риторическим. Но дело даже не в количественном сравнении.

С момента появления в 1972 г. концепта «коллективной культурной травмы», авторство которого принадлежит американскому социологу Каю Эриксону [29], он получил значительное развитие в философской, культурологической и социологической литературе, в частности, в работах Джеффри Александера и Петера Штомпки. Культурную травму определяют как

«коллективное явление, условие, испытанное группой, сообществом или обществом в результате разрушительных событий, «культурно» интерпретируемых как травмирование» [4, с. 45]; как «социальное напряжение, связанное с социальными изменениями, пережитыми группой или же целым обществом травматическими событиями» (определение П. Штомпки) [23, с. 8]; как «когнитивное построение, выражающее кризис идентичности, в центре которого стоит некий мифообразный дискурс, акцентирующий «свое» и «чужое» и обостряющий их противостояние» [1, с. 64]. Культурная травма, – отмечает Дж. Александер, – «имеет место тогда, когда члены социальной общности чувствуют, что они подверглись воздействию страшного события, которое оставило неизгладимый след в их коллективном сознании, навсегда оставаясь в их памяти и изменяя их будущую идентичность фундаментальным и необратимым образом» [28, р. 10], «...травмы суть естественным образом происходящие события, которые сокрушают ощущение благополучия у индивидуального или коллективного актора» [2, с. 9].

Выделяют несколько факторов, определяющих наличие и тяжесть последствий коллективной травмы: 1. сила травматизации: количество погибших, масштаб события; 2. переживания несправедливости (или поспранной справедливости), степени невиновности погибших; 3. невозможность (или неспособность) противостоять травмирующей силе, вынужденная пассивность жертвы; 4. невозможность эмоциональной реакции, замалчивание трагедии, невозможность оплакать погибших – то есть невозможность преодоления травмы [8]. По всем четырем параметрам лишь экологическая масштабность позволяет говорить о Чернобыле как о факторе коллективной травмы, где объектом травмирования являются жители Украины и Беларуси и в некоторой степени России. Однако все представляется не столь очевидным, если рассматривать факт Чернобыля с точки зрения концептуализированных идей о связи травматической памяти и процессов формирования национальной идентификации.

Рассматривая коллективную память, основоположник мемориальных исследований М. Хальбвакс обосновывает наличие ее двух линий – национальной и групповой, противопоставляя им память историческую, отстраненную и формализованную (в противовес живой коллективной). Коллективная память жива, пока живы ее носители – 2-3 поколения. «Пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости фиксировать его письменно, да и вообще как-либо фиксировать. Поэтому потребность написать историю того или иного периода, общества и даже человека возникает только тогда, когда они уже ушли так далеко в прошлое, что у нас мало шансов найти вокруг себя многих свидетелей, сохраняющих о них какое-либо воспоминание» [20, с. 40-41]. Различие между коллективной и исторической памятью не исключает, однако, коммеморации (организации мест памяти) не только исторической, но и живой коллективной памяти.

Оба вида памяти в формах коммеморации коллективных травм в соответствии с концептами того же М. Хальбвакса, а также П. Нора, А. Васильева, как, впрочем, и Э. Ренана, являются мощными факторами коллективной, в частности национальной идентификации и нациосозидания. Поколение переживших события апреля 1986 г., для которых Чернобыльская трагедия, безусловно, является значимой, а память о ней – действующей групповой и травматической, живо и ныне. Одновременно государственная культурная политика включает в себя составным элементом, особенно в последнее десятилетие, систематическую коммеморацию Чернобыльской трагедии на национальном уровне: в настоящее время едва ли не в каждом более-менее крупном городе Украины существует связанный с ней памятник. Сформирована и соответствующая, пусть и не ярко выраженная, но общегосударственная ритуалистика: ежегодно 26 апреля траурно отмечается на государственном уровне. Означает ли все это, что по силе травматизации и степени символизации и ритуализации Чернобыльская трагедия, как любая культурно-историческая травма, обладает нациоформирующим потенциалом?

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, позволит, в свою очередь, сделать обоснованный вывод и о субъекте/объекте коллективной травмы.

Давая определение нации как специфического образования, формирующегося в эпоху Модерна, Э. Ренан в своей знаменитой речи «Что такое нация?» утверждал, что ни язык, ни географическая территория, ни религия не являются определяющими факторами ее формирования. Для ее существования необходимы совместные воспоминания о победах и страданиях, совместное воспроизведения ценностной картины мира в сакрализованных действиях (ритуалах) и коллективное забвение определенных моментов прошлого. «Нация, как и индивидуумы, это результат длительных усилий, жертв и самоотречения. ... Общие страдания соединяют больше, чем общие радости. В деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф: траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия. Итак, нация – это большая солидарность, устанавливаемая чувством жертв, которые уже были сделаны и которые намерены сделать в будущем» [18]. Развивая идеи Э. Ренана, Б. Гизен показывает на конкретных исторических примерах, что травма не менее, а возможно в гораздо большей степени, чем позитивно переживаемые исторические события, запускает «мифомотор» идентичности и важна для консолидации и самоопределения сообщества в том же смысле, что и предельные экзистенциальные факты (рождение, смерть, тяжелая болезнь, потеря и т.п.) – для пробуждения внутреннего самопереживания и осознание уникального единства личности [30, 31].

Раскрывая механизмы утверждения национального единства, А. Васильев показывает, каким образом конституируется чувство общей идентичности – «с помощью периодически повторяющихся специальных ритуалов, воспроизводящих общее сакральное прошлое. В центре того, что данное сообщество считает сакральным, располагается коллективное воображаемое прошлое. Среди событий этого сакрально переживаемого прошлого особенно выделяются события, связанные с мифом о происхождении. Именно регулярное ритуальное воспроизведение событий, конституирующих общее происхождение

группы, является наиболее важным способом поддержания ее единства» [7, с. 56-57]. Места, события, герои, в соответствии с общей концепцией М. Хальбвакса, концентрируют сущность и специфику сообщества. Важный для жизни сообщества опыт должен получить пространственно-временную фиксацию в «местах памяти», каковы календарь памятных дат, топография значимых мест, связанных с важными лицами и событиями и т.п. [21].

Каково же место Чернобыля в процессах коммеморации коллективных травм, имеющих национальное значение в Украине, и связан ли он с сакральным «происхождением» нации? Обилие созданных и далее создаваемых мест памяти – мемориальных музеев, памятников, произведений литературы и искусства, посвященных Чернобылю – это не столько естественная дань памяти погибшим, сколько результат политической воли руководства страны. Для социума, даже для тех, в чьей памяти Чернобыль – не факт истории, а живой момент их прошлого и делящийся момент переживаемой памяти, на сегодня он в значительной степени превратился в мемориальный, отстраненно-исторический. Коммеморация Чернобыля на фоне символического и бытового «обживания» табуированного пространства работниками, сталкерами и самоселами выглядит формальной данью ...кому?

И в этой связи нельзя не вспомнить о другом векторе той же политической воли: так называемых «просчетах» и «недостатках» выстроенной в первые же годы после Чернобыля системы социальной защиты и «реабилитации» пострадавших. Ее основой стала система льгот.

По состоянию на 01.01.2016 г. по официальным данным Министерства чрезвычайных ситуаций, пострадавших от Чернобыльской аварии насчитывается 1 961 904, в том числе участников ликвидации – 210 247 [14]. Все они пользуются определенными льготами. Кроме них право на льготы имеют еще 35 672 их родственников.

Следует отметить также, что значительное количество «чернобыльцев» (льготников) отношение к Чернобыльской катастрофе имеют весьма и весьма опосредованное. В среде так называемых чернобыльцев необходимо различать

группу ликвидаторов и переселенцев и остальных. Для «остальных» Чернобыль – не более чем небольшая статья дохода. Другое дело – для ликвидаторов и переселенцев. И можно согласиться со Светланой Алексиевич, которая приходит к выводу, что «система «компенсация – за болезнь» привела к тому, что успешное лечение и вследствие него снятие или пересмотр группы инвалидности приводили к резкому ухудшению социальной защищенности ветерана Чернобыля. Это одна из ключевых причин неэффективности лечения действительно пострадавших чернобыльцев: вместо того чтобы бороться за кардинальное изменение ситуации, и медики, и их пациенты-чернобыльцы часто предпочитают скрывать информацию о реальном положении дел, так как это могло повредить их материальным интересам» [3]. Сформированный за десятилетия негативный миф вокруг Чернобыля вкупе с системой материальных льгот лишь способствует закреплению и усугублению у многих чернобыльцев психологической травмы, замыкая их в своем несчастье. Виктимизация этой группы, превращение в жертв, и, как следствие, наделение признаком социальной и психологической ущербности, т.е. социальная стигматизация, проводимая, казалось бы, из наилучших соображений, не является следствием иррациональных страхов по отношению к ним, но результатом политики «откупа» от пострадавших. Вместо того, чтобы проводить их психологическую реабилитацию посредством включения в активную социальную и физическую жизнь, политика льгот привела к автокаталитической самостигматизации, закреплению травмы и паразитированию на ней. Именно эта группа, геттоизированная системой формальных льгот, и сегодня замыкается на Чернобыльской трагедии, сегодня живет ею и проводит свою групповую идентификацию по этому признаку.

Отсюда вывод: тем коллективным целым, для которого Чернобыль стал основой самоидентификации и культурной травмой, прежде всего, являются виктимизируемые, реальные пострадавшие – ликвидаторы и переселенцы, чья стигматизированность инспирируется и поддерживается политически, со стороны государства, и самоинспирируется.

То, что Чернобыль остается коллективной травмой этой группы, точнее, ее подгруппы, репрезентируемой переселенцами, имеет еще одно объективное основание. И это – далеко не иррациональный страх перед возможными последствиями причастности к Чернобылю (болезнями, мутациями потомства и пр.). Таким основанием является сам факт переселения с загрязненных территорий. В этой связи нельзя не вспомнить о такой черте национального менталитета украинцев, как особом сакральном отношении к родной земле, получившей в научной литературе соответствующий термин – антеизм. Разрыв с землей на глубинном экзистенциальном уровне действительно переживается украинцем как фундаментальная, онтологическая трагедия, как крушение мира и утрата связи с его живительными силами. Такой разрыв с пространством становится тем более травматичным, что усугублен и «разрывом со временем» – утратой прошлого. Люди, вывозимые из родных домов, были предупреждены о том, что эвакуация носит временный характер, они уезжали, бросая личные вещи – маяки памяти: дорогие мелочи, фотографии, книги, дневники, живых друзей – домашних животных. Бросая навсегда те «узловые точки памяти», которые структурируют личностное бытие, обеспечивают связь с собственным прошлым и культурную преемственность поколений. Разрушение личного пространственно-временного континуума выбросило переселенцев за пределы экзистенциальной ойкумены, превратило их в изгоев собственного мира.

Для тех же, чей мир не был разрушен в пространстве и времени, Чернобыль едва ли не изначально воспринимался как ... квест – телеологическое приключение, исходные координаты которого не в нем самом, но в глубокой истории. Другими словами, Чернобыль не воспринимался как начало чего бы то ни было, как, скажем, один из истоков украинской общности и идентификации, но лишь одна из незначительных, рядовых вех на пути. Одновременно изживание Чернобыльской катастрофы как травмы началось буквально в первые же дни, что вообще характерно для украинцев в любые значимые моменты их истории. Можно вспомнить наиболее показательные историко-литературные и политические аллюзии на тему Чернобыля, передававшие из уст в уста в первые

же «постапокалиптические» дни: «Отсель грозить мы будем шведу. АЭС Пушкин», «Да здравствует КПСС на Чернобыльской АЭС», «Если в мужа щось не те – обращайтесь в МАГАТЭ» и т.п. Как и в дальнейшем, во время первого и второго Майданов, символическая и смехотерапевтическая отработка коллективной травмы возникла вместе с ней – в виде лавины сатирического и юмористического обыгрывания травматической ситуации, карнавальности переживания и его окосмичивания и одновременного вписывания в телеологический «путь».

Кроме того, украинцами безусловно позитивно переживался тот факт, что, благодаря Чернобылю, Украина получила внешнюю идентификацию в мире, четкое отличие от России. Даже угрожающая «шведу» и иже с ним, Украина в восприятии не только самих украинцев обретала космические и эсхатологические черты, что также вполне созвучно национальному мироощущению. Иррациональный страх обреченности, типичный для мироощущения рядового украинца в первые месяцы после катастрофы, парадоксальным образом также не воспринимался как травматический, но как повод для его бытового игнорирования с позиций апеллирования к историческому прошлому: было и пострашнее, мы можем пройти через все.

Для Украины в целом (кроме группы переселенцев) Чернобыль не стал коллективной и, тем более, нациеобразующей травмой. Иррациональный страх, мгновенно осмеянный и субъективированный в качестве извечного элемента украинского бытия-в-истории, уютно встроенный в общую экзистенциальную, гранично-трагическую картину этого бытия, перестал быть таковым очень скоро и ныне эксплуатируется для квеста сталкерства – не без финансовой выгоды для бизнеса и государства. Поколению, родившемуся после Чернобыля, тот, карнавально-трагичный Чернобыль не известен, известна лишь его сегодняшняя демонизированная сторона, превращенная в декоративный элемент обыденности.

Однако был и другой коллектив, другая группа, для которой Чернобыль стал сверхтравматическим групповым фактором. Речь идет о политической

элите страны постсоветского периода, чей иррациональный страх был, как можно полагать, немаловажным источником решения об отказе от ядерного оружия и обмене его на Будапештский Меморандум 1994 г. Решения, приведшего к гораздо более страшной украинской исторической коллективной травме, нежели Чернобыль. Травме, которую мы переживаем сегодня. И именно эта группа, обладая властными возможностями, генерировала иррациональный страх и ретранслировала его для общества, создавая плодотворную почву для мифологизации Чернобыля.

А страха перед атомом в украинском обществе сегодня нет. По результатам соцопроса, проведенного фондом «Демократические инициативы им. Илька Кучерива» совместно с центром им. Разумкова, 43% украинцев хотят восстановления ядерного статуса Украины; 37% респондентов высказались против. 20% не определились [19]. И это – еще один аргумент в пользу того, что Чернобыль на сегодня в Украине является фактом исторической мемориальной памяти, но не национальной культурно-исторической травмой и не сыграл ощутимой роли в становлении национальной идентификации.

Использованные источники и литература:

1. Аарелайд-Тарт А. Теория культурной травмы: Опыт Эстонии // Социс. – 2001. - № 10. – С. 63–71.
2. Александер Дж. Культурная травма и идентичность // Социологический журнал. – 2012. № 3. – С. 6 – 40.
3. Алексиевич С. В эпицентре тревог. Что сделала с людьми Чернобыльская трагедия / Mig.news. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mignews.com.ua/society/2230803.html>.
4. Асташов А.Б. Историческая травма в социально-политических проектах // Будущее нашего прошлого: мат. науч. конф. Москва, 15–16 июня 2011 г. / отв. ред. А.П. Логунов; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Фак-т истории, политологии и права, каф. истории и теории ист. науки. М., 2011. С. 44–55.
5. Білявський Г.О. Основи загальної екології. Навчальний посібник. – К.: Либідь, 2006. – 408 с.
6. В Чернобыльской зоне живут до двух тысяч самоселов, – Королевская / Подробности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://podrobnosti.ua/901666-v-chernobylskoj-zone-zhuvut-do-dvuh-tysjach-samoselov-korolevskaja.html>.
7. Васильев А. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия / А. Васильев // Фундаментальные проблемы культурологии : Сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д. Л. Спивак. — М. : Новый хронограф: Эйдос. Т.6 : Культурное наследие: От прошлого к будущему. — 2009. — С. 56—68.
8. Горностай П. П. Коллективная травма и групповая идентичность. / Психологічні перспективи. Спеціальний випуск: Актуальні проблеми психології малих, середніх та

- великих груп. – Т. 2. Проблема цілісності суспільства, групи та особистості. – К., 2012. – С. 89-95.
9. Жуков Б. Озверевшее пространство / Вокруг света. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7389/>.
 10. Журавлев А., Шелковников Д. Что происходит в зоне отчуждения после аварии на Чернобыльской АЭС / Коммерсант.ru, май 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/doc/2973127>.
 11. Журавльова Ж. Екологічні, медико-соціальні та гуманітарні наслідки аварії на чорнобильській АЕС в оцінках міжнародної спільноти: висновки для України. Аналітична записка. Відділ зовнішньополітичних стратегій, 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://old.niss.gov.ua/monitor/januar2009/2.htm>.
 12. Земля отчуждения. Чернобыль и его окрестности после аварии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kommersant.ru/projects/chernobyl>.
 13. Земля отчуждения. Чернобыль и его окрестности. 28 лет после аварии / Чернобылец Харьковщины. Харьковская областная организация Всеукраинской общественной организации инвалидов «Союз Чернобыль Украины» . – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.chernobyl.kh.ua>.
 14. Інформаційно-аналітичні матеріали Кабінету Міністрів України до парламентських слухань на тему: «30 років Чорнобиля: уроки та перспективи» (лист Кабінету Міністрів України від 09.03.16 № 3613/0/2-16) / Комітет Верховної Ради України з питань екологічної політики, природокористування та ліквідації наслідків Чорнобильської катастрофи. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://komekolog.rada.gov.ua/komekolog/control/uk/publish/article?art_id=58813&cat_id=45228.
 15. Киселёв М. Коллективная травма и катастрофы / п . – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://postnauka.ru/video/43214>
 16. НКДАР ООН: Авария на Фукусимской АЭС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.unscear.org/docs/revV1407899_Factsheet_R_ENG.pdf.
 17. Радиоактивное загрязнение России и Чернобыльская экологическая катастрофа / География. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://geographyofrussia.com/radioaktivnoe-zagryaznenie-rossii-i-chernobylskaya-ekologicheskaya-katastrofa/>.
 18. Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 г. [Электронный ресурс] / Э. Ренан / Режим доступа : http://www.hrono.info/statii/2006/renan_naci.php.
 19. 3% українців хочуть відновлення ядерного статусу України – опрос / УНІАН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.unian.net/society/935108-43-ukraintsev-hotyat-vosstanovleniya-yadernogo-statusa-ukrainyi-opros.html>.
 20. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005, №2-3(40-41) //Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа: сборник. 2-е, испр. и расшир. изд.]. - М.: Новое лит. обозрение, 2005. – 780 с.
 21. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. – 264 с.
 22. Хель И. Насколько иррационален наш страх перед радиацией? / Hi-news.ru. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hi-news.ru/science/naskolko-irrationalen-nash-strax-pered-radiaciej.html>.
 23. Штомпка П. Социальное изменение как травма / Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6-10.
 24. Экскурсия в Чернобыль?! Запросто!!! / Экскурсии Эдуарда Докса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.tours.ho.ua/index.php?view=articles&t=ekskursiya_v_chernobilj_zaprosto.

25. Arthur G. Neal. *National Trauma and Collective Memory: Major Events in the American Century*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1998. xi + 224 pp.
26. Battaglia, Franco. *Le centrali nucleari fanno il boom* / *Il Giornale.it* . – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ilgiornale.it/news/esteri/centrali-nucleari-fanno-boom.html>.
27. *Chernobyl: the true scale of the accident* / WHO. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2005/pr38/en/>.
28. *Cultural Trauma and Collective Identity* / Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J., Sztompka P. L. — Berkeley, University of California Press, 2004. — 304 p.
29. Erikson, Kai T. *Everything in Its Path*. – NY: Simon and Schuster, 1976. – 284 p.
30. Giesen B. *National Identity as Trauma: The German Case* / B. Giesen // *Myth and Memory in the Construction of Community* / Ed. by B. Strath. — Bruxelles : Peter Lang, 2000. — P. 157—168.
31. Giesen B. *Triumph and Trauma* / B. Giesen // *The Yale Cultural Sociology Series*. — Boulder : Paradigm Publishers, 2004. — 208 p.
32. *The Chernobyl accident. UNSCEAR's assessments of the radiation effects* / United Nations Scientific Committee on the Effects of Atomic Radiation. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.unscear.org/unscear/en/chernobyl.html>.
33. *The Fukushima Daiichi Accident*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/SupplementaryMaterials/P1710/TV4/AnnexX.pdf>.